

Копипаста: Классификация русского путешественника — Lurkmore

За гранью: классификация русского путешественника

В силу специфики российско-заграничных отношений русский турист — явление в значительной степени идеологическое. То есть в отличие от туриста американского, который на старости лет едет убедиться, что Божий мир хорош, или японского, без устали щелкающего своим фотоаппаратом на научно-технических выставках,— русский турист едет за рубеж в поисках какой-то последней правды. Либо он лишний раз убеждается, что Отечество его нехорошо, что оно неуклонно катится в пропасть и туда ему прямая дорога,— либо он неустанно брюзжит и лишний раз убеждается, что жить не может без своего Отечества буквально ни секунды, вот сейчас еще немножко поужасается — и опрометью обратно!

Честно сказать, я русского туриста не люблю ни в каких его проявлениях. Мне довольно противно слушать русские вопросы на экскурсиях или русскую речь — в отдаленном и прекрасном уголке Парижа, куда я невзначай забрел. Как говорится, «хорошо там, где нас нет, но мы везде». Заговорить по-русски или иным способом выдать в себе русское происхождение — значит с самого начала спровоцировать определенное отношение, унижительное и снисходительное. Сразу предложат самый дешевый оптовый рынок, а то и бабу. И лицо такое сделают... примерно с такими у нас раньше глядели на африканских гостей.

Меня глубоко оскорбляют предложения итальянского гида свозить меня в магазин, «где дешевле»: я сюда приехал не хлопок закупать и не в термальных источниках валяться (около источников мне услужливо напоминают: входной билет означает одно окунание, только одно, за второе надо доплачивать! Хотите отдохнуть — не вылезайте часа три, потом не пустят). Я не люблю русских за границей — потому что очень немногие из них ведут себя, как старые американцы среднего достатка. А как они себя ведут? А очень просто: «Я всю жизнь работал, пытаюсь сделать мою страну лучше, — думают они не без некоторого пафоса, обычно присущего middle-class'у. — Теперь я заслужил отдых и счастлив увидеть Божьи чудеса». У русского очень редко есть ощущение заслуженного отдыха и твердое сознание, что он хорошо поработал на благо своей страны. А уж уважать чудеса Божьи, доставшиеся другим, он тем более не склонен. У него подход простой: а) Умеют жить! У нас никогда так не сделают, не подадут, не сервируют, не закатят солнце, б) Вот жируют, сволочи! Это все потому, что мы их от монголов спасли.

По-моему, оба подхода одинаково холуйские. И были холуйскими даже в те времена, когда туризму предавались в основном дворяне.

1. Позапрошлый век

Туристы позапрошлого века условно делились на две категории, одну из которых представлял Тургенев, а вторую — Достоевский.

За границу дворянин едет главным образом лечиться. Русские на водах занимались тем, что вяло делились на западников и славянофилов и в зависимости от принадлежности к лагерю ругали или превозносили окружающее. То их воротило от соотечественников с их хамством, то, напротив, воды казались недостаточно жидки и кислы. Немудрено, что такими разговорами русские еще больше разгоняли свою и без того бушующую желчь, так что воды, как правило, не шли им впрок.

Еще они ездили играть в рулетку. Наверное, со временем политкорректные биографы напишут, что таким образом они надеялись поддержать немецкую или монашескую государственность — поскольку именно за счет игорного бизнеса многие курорты и процветали. На самом деле рулетка была в России попросту запрещена, и предаваться азарту приходилось на растленном Западе.

Тургенев и Достоевский никогда не могли между собою договориться. Тургенев в споре договаривался до того, что ему стыдно быть русским. Достоевский в ответ верещал, что при виде такого русского, как Тургенев, ему тоже стыдно быть русским. Самое ужасное, что после таких дискуссий Достоевский иногда прибегал к Тургеневу с просьбой о небольшой сумме в долг. Дело в том, что у западников в России почему-то всегда больше денег. Впрочем, зависимость тут обратная: у кого денег до фига, тому за границей хорошо. Вот он и радуется, и всех любит. А у кого денег мало — тот только окусывается и сетует на дороговизну. Когда денег нет, любить за границу невозможно. Вот, помню, я в первый раз в Швейцарию поехал без копейки денег — дело было в 1990 году, доллара в наличной продаже еще не было. Скучнейшей и примитивнейшей показалась мне эта страна. А восемь лет спустя поехал с деньгами — с небольшими, конечно, какие там деньги могли быть у журналиста! — и что вы думаете, отличное государство, столько всего...

Были, конечно, еще чахоточные барышни. Эти тоже ездили лечиться. Они в силу своей чахоточности очень много читали и завязывали романы с французскими литераторами — романы либо виртуальные, как у Башкирцевой с Мопассаном, либо реальные, как в нескольких новеллах у того же Мопассана. Французы вообще любили русских за жертвенность: за границей оказывались либо террористки, сбежавшие от правительства, либо чахоточные девы, на которых тоже лежал отсвет обреченности. Их за границей очень любили: «На француза эти женщины действуют неотразимо»,— признавался Мопассан. На русских мужчинах никакой печати обреченности не было, поэтому люди искусства их недолюбливали (поди найди у западных классиков образ симпатичного русского!), а любили в основном модистки и дамы полусвета. Одну такую модистку увез в Россию Сухово-Кобылин и потом, говорят, убил. Впрочем, доказательств нет. Наверное, действительно убил. Потому что в отношениях России и Запада без садомазохизма никак: либо обреченная русская дворянка испускает дух в объятиях французского писателя, либо надоевшая французская модистка делает то же самое в объятиях писателя русского.

Кроме этих четырех категорий — славянофилы, западники, чахоточные девы и террористы,— в XIX веке за границу никто из русских не ездил. Немудрено, что в сознании француза или немца Россия состояла в основном именно из этой публики. Был еще какой-то народ, о котором туристы все время между собою говорили,— но говорили о нем вещи настолько взаимоисключающие, что, скорее всего, никакого народа не было. Так, легенда.

2. Советская эпоха

Советский турист не существовал в природе. В советское время словом «турист» обозначали выносливого человека в свитере и с бородой, который любил сплавляться по порожиистой реке Мсте, пел песни и презирал курортников. За границу ездили либо для обмена опытом (двадцатые годы), либо по приказу партии (пропагандистские поездки писателей и журналистов), либо по счастливо доставшейся путевке (в основном в соцстраны, на две недели; после этого счастливцев целый год, а иногда и всю жизнь, не мог говорить ни о чем другом).

Особо ретивые советские авторы, оставившие обширный свод свидетельств о своих заграничных поездках, на разные лады варьировали тезис Маяковского: «Я стремился на сто тысяч верст вперед, а приехал на семь лет назад!» При этом внимание их привлекала в основном электрификация и машинерия. До духа посещаемой страны, равно как и до ее истории, им не было никакого дела. Приятным исключением из этой традиции стала «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова, где два совсем несоветских, да и не русских писателя, принадлежавших к блистательной западной традиции плутовского романа, сумели точно, без предубеждения и дешевого снобизма понять душу большой и дружелюбной страны. Кстати, умный российский критик Никита Елисеев утверждает, что набоковская «Лолита» создана под прямым влиянием «Одноэтажной Америки» — любовь Набокова к Ильфу и Петрову общеизвестна. Кстати, все трое Достоевского терпеть не могли.

Существовала еще порода журналистов-международников — о, страшный подотряд рода человеческого, прирожденные лгуны и фарисеи, которые не так давно, во время очередного юбилея программы «Время», еще сетовали, что их в Штатах недостаточно комфортно расселяли. Чудо, что их вообще там терпели. Никто так не оплевывал Европу и США, отлично там жируя,— как наши телекомментаторы, которые в припадке ностальгии грызли под одеялами черствые ржаные сухари и плакали о родной природе, которую знали в основном по своей прекрасной трехэтажной даче под Москвой. Этих патриотов и посейчас еще можно увидеть на экране: они рассказывают, что в СССР, ей-богу, не все было плохо.

Конечно не все. Но международная журналистика в СССР была все-таки очень плоха.

Наконец, был тип поэта, наводящего мосты. Такой Эренбург с поправкой на масштаб — таланта и эпохи. Он позволял себе дружить с аборигенами (конечно, с простыми: с мальчиком, чистящим обувь, с официанткой, разносящей кофе). Иногда он даже помогал им почистить или разнести что-нибудь. Такой автор пил с рыбаками Флориды, закусывал с докерами Ливерпуля, спал с крестьянами Никарагуа. Иногда, впрочем, он посещал и художников (в основном прогрессивной ориентации). А иногда его приглашали в дома к миллионерам, где миллионерские дочки и жены пялились на него очень соблазнительно, а сам миллионер после долгой беседы, закуривая сигару, говорил мечтательно: «А знаете... я вдрут сейчас вам позавидовал. Вам, русским. Какое это, должно быть, счастье — каждый день ходить на работу... и быть уверенным, что и завтра опять на нее пойдешь!»

Ну еще бы не счастье. Счастье, конечно.

А больше в советское время за границу не ездил никто. Кроме, конечно, начальников партии и правительства, но это ж разве туристы? Это ж позор...

3. Постсоветский период

После того как железный занавес сменился золотым, поток выездных граждан было обмелел,

но появление сотен сравнительно дешевых шоп-туров и вакационных поездок на экзотику вернуло ему былую полноводность. Каждый третий или в крайнем случае четвертый трудоспособный житель столичных городов может себе позволить неделю в Египте, Турции или на Цейлоне. Соответственно выявились и новые типы русских туристов, чей достаток колеблется от шестисот до нескольких тысяч долларов в месяц, — впрочем, менее всего эта классификация зависит от достатка.

Отмечаем тип мешочника, челночника и «верблюда», в разных вариациях блистательно описанный А.Мелиховым, который на своем верблюжьем горбу почувствовал все прелести этого вида активного отдыха. Нас интересуют здесь праздные туристы, выкroившие от трудов праведных десятков-другой дней на знойных побережьях или в европейских столицах. Как правило, это мелкие бизнесмены, журналисты, банковские служащие, массажисты и визажисты, средней руки чиновники и аппаратчики, а также родственники названных категорий населения.

ТИП ПЕРВЫЙ, по нашим наблюдениям, особо распространенный. **ЖЕНА НОВОГО РУССКОГО**. Сам новый русский будет описан ниже, но он редко посещает курорты: нет времени. Зато жену он отправляет развлекаться до трех раз в году. Жена нового русского — женщина околобальзаковского возраста, в диапазоне от двадцати пяти до тридцати трех, без высшего образования, с внешностью и манерами продавщицы среднего универсама и с претензиями директора крупного. Чрезвычайно общительна. С соседями по самолету, купе, автобусу, гостинице и бассейну интенсивно делится впечатлениями о своих предыдущих турах. Сравнение всегда выходит не в пользу нынешнего. В прошлые разы было жарче (прохладнее), солнце было ярче (милосерднее), гиды умнее, а публика адекватнее — на этот раз выдался сплошной плебс (подразумевается: кроме нас, людей рафине). «В Египте мы взяли верблюда и за два доллара объездили на нем весь город. Как было смешно! В Тунисе в меня влюбился хозяин местного отеля. Предлагал отель, целовал руку. Ужасно смешной!» О своем московском образе жизни распространяется не менее охотно: «Дома меня не застанешь, связь только по пейджеру. Нет, не работаю, о чем вы! С утра у меня МОЙ массажист, потом я еду в СВОЕ джакузи (род слова «джакузи» варьируется по полной программе), дальше катаюсь на лошади (вожу автомобиль)... Ни минуты свободной!» К экскурсиям относится в высшей степени неодобрительно. При первой возможности их пропускает и либо лежит целыми днями на берегу отельного бассейна, периодически с визгом в него погружаясь, либо пребывает в упомянутом джакузи. Негодует по поводу того, что негры посещают тот же бассейн, «что и мы». «И как это можно с негром? Меня бы стошнило!» Расизма не стесняется. С отельной службой скандалит по поводу недостаточного количества цветов в вазе, недостаточно низкого расклона и недостаточно начищенной обуви. На чаевые скупа. Брюзжит. С туземцами держит такую дистанцию, что британский колонизатор потупился бы. Фотографируется на фоне всего, ни на минуту не оставляет неизменную «мыльницу», демонстрирует фотоальбомы прежних поездок («Это я на слоне... вот слон, вот я... а это возле пирамиды, вот я, вот пирамида... мы так на ней хохотали!»). За едой налегает на десерт, утверждая, что мясо губельно скажется на фигуре. Возит с собою не менее трех загарных кремов. К прощальному ужину приберегает вечерний туалет, состоящий из небольшого куска туго натянутой материи на двух бретельках, из которого выпирает пролетарское происхождение. В аэропорту бывает встречаема мужем выдающихся габаритов, который только что не двигает пальцами вот так. Устремляясь к иномарке, не только не предлагает подвезти попутчика из аэропорта, но мгновенно забывает о существовании группы. Некоторым, впрочем, оставляет номер мобильного — исключительно из удовольствия произнести слово «мобильный».

ТИП ВТОРОЙ. НОВЫЙ РУССКИЙ, МУЖ НОВОЙ РУССКОЙ. Встречается реже (он ездит за границу в основном по делу), зато уж и выглядит колоритнее. При малейшем недовольстве кондиционером или меню грозитя пустить хозяйка отеля по миру. Похотывает над особенно незатейливыми анекдотами. Не расстается с мобильным телефоном. Любит из бассейна отдавать распоряжения в Москву. Сегует на отсутствие русской бани. Златая цепь на дубе том. Фотографирует жену, громкими криками разгоняя из кадра всех, включая некстати разбушевавшуюся местную растительность. В разговорах намекает на связи в высших криминальных структурах, не уточняя, имеется ли в виду кремлевский или какой-либо иной общак. По статусу, как правило, не поднимается выше шестерки — пятерки, четверки и иные тузы ездят в другие места и в другом обществе.

ТИП ТРЕТИЙ. ЖИВЧИК. Бессмертен, как совок, но несколько модифицирован. Коллекционирует сексуальные впечатления. В Таиланде ходит на тайский массаж, об Индии знает главным образом то, что оттуда пошла Камасутра, в любом африканском государстве прежде всего интересуется, где тут квартал красных фонарей. В первый же вечер отправляется на поиски впечатлений, которыми потом безудержно делится. На вопрос о своих действительных успехах заявляет: «С этими-то?! Да я столько не выпью!» Остряк. После его баек становится ясно, что Каин убил Авеля именно за старый анекдот. Рассказывает о том, как однажды любил замечательную проводницу в туалете плацкартного вагона скорого поезда Бобруйск — Бердянск. К концу третьего дня знает цены на все сексуальные услуги от пляжного садизма до портового орал-секса. К Родине, как это ни парадоксально на первый взгляд, относится с пафосом: отмечает за границей советские праздники, за Победу и Первомай пьет стоя, иногда играет на гитаре. В прошлом был типичным командировочным,

выбивал какие-то поставки из смежников, изучил все тонкости гостиничного секса. Щиплет официанток, чем вызывает у них примерно такую же реакцию, какую у новой русской вызывают негры (см. выше). Впрочем, в экстремальной ситуации не отказывается ссудить пару долларов и не жалеючи угощает спиртным.

ТИП ЧЕТВЕРТЫЙ. НАЧАЛЬНИК. Прежде руководил отраслью, ведомством — или по крайней мере служил под самым сидением какого-нибудь крепкого хозяйственника. Сейчас либо пребывает на аналогичном посту, либо ушел в бизнес. Немолод, строг, при брюшке. Загорает плохо, плавает саженками. Ездит обычно с женой. В общении стремительно переходит на ты, тех же, кого признает равными себе, называет опять-таки на ты, но по имени-отчеству. В его руках любой кейс смотрится портфелем. Закупается долго, основательно, критикуя местный товар, солидно торгуясь с продавцами, чувствующими в нем барство хоть и среднего, но босса. Вопросы гиду задает въедливо и многословно, любит проводить параллели с отечественной историей. К молодежи и ее забавам строг. Глазки блеклые, невыразительные, временами очень страшные. В легком подпитии басом поет патриотические песни, при виде экзотического фрукта вспоминает картошечку, которую любит больше. Любой комплимент в адрес посещаемой страны воспринимает как оскорбление своих патриотических чувств, припоминая лозунг «Сегодня носит АДИДАСТ, а завтра будет ПИДОРАСТ». В Лувре часами стоит перед Венерой и Джокондой, после чего сдержанным кивком выказывает им свое одобрение. Многие спрашивают, отчего это знаменитая Джоконда такая зеленая. Думаю, что от того и зеленая.

ТИП ПЯТЫЙ. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЙ. Корнями уходит в ту же незапамятную совковую древность и меняется мало. Лихорадочно скупает карты и брошюры, в отелях забирает из номеров все, включая проспекты программ отельного телевидения. Записывает за гидом, прося повторить названия и имена, которые ему в жизни не пригодятся. После экскурсии подробно пересказывает всем, кто ездил вместе с ним, основные положения сопроводительной лекции. На Родине детально перечисляет все музеи, в которых побывал. На пляже непременно интересуется водоизмещением во-он того судна на горизонте, выспрашивает дату открытия отеля и среднемесячный доход хозяина. Щеголяет общедоступными фактами из жизни посещаемой страны. При посещении музея шикает на тех, кто осмеливается перешептываться. Фотографируясь на фоне шедевров и туземцев, принимает глубокомысленный вид, а делаясь впечатлениями от пирамид или кокосов, обильно цитирует путеводитель.

ТИП ШЕСТОЙ. ЗАКУПОЧНЫЙ. От шоп-туриста отличается тем, что все-таки уделяет часть своего времени развлечениям и знакомству с местными достопримечательностями, но глаза этой особи загораются только при перспективе покупок. Первую сотню долларов меняет в аэропорту, где курс обычно наивыгоднейший, но можно ведь найти и дешевле! Всякого туземца подозревает в желании обобрать, от уличных торговцев отбивается ногами. Во время шопинга, на который обычно отводится предпоследний день, стремглав несется по супермаркету, сравнивая цены с мировыми и до хрипа споря с продавцами о качестве кожи и хлопка. В конце концов закупается на барахолке в бедняцком квартале по ценам много ниже мировых и, страстно гордясь собою, демонстрирует приобретенное соседям. На еду не тратится. Нового русского и его жену втайне не любит, но внешне лебезит.

ТИП СЕДЬМОЙ. ВИЗАЖИСТ (СТИЛИСТ). Новая, распространенная и прибыльная профессия. Отдыхает на международных курортах средней руки. Как правило, гомосексуалист, чего не скрывает. Интонациями и пристрастиями чрезвычайно напоминает новую русскую, особенно когда скандалит со служащими отеля. Томен. По-дружески натирает все ту же новую русскую все тем же кремом от загара, любя пошептаться и посплетничать о том, что лучше надеть. Подробно рассказывает за общим столом о любых своих физических отправлениях — от потения ног до расстройств желудка. При виде негра, завернутого в лохмотья, говорит, что это стильно. Иногда возит с собой несколько демонстрационных экземпляров своей последней коллекции — полиэтилен, кожа, цепи, бечевка, пакеты из-под йогурта, все вместе называется платьем. Обожает рассказывать о своих кулинарных пристрастиях, вообще любит готовить. При малейших физических нагрузках вроде подъема в какую-нибудь достопримечательную гору потеет, краснеет, бледнеет и с четверти пути возвращается под сень автобуса, где отмахивается пальмовым листом от местного населения. За обедом в случае шведского стола берет чуть-чуть фруктов и чуть-чуть креветок; говорит, что и то, и другое в его родном найт-клубе много предпочтительнее.

ТИП ВОСЬМОЙ. ЖУРНАЛИСТ. Как правило, приглашается в поездку в рекламных целях и за символические цены — для освещения нового тура. Небогат. Чувствует себя робко в новой среде (если, конечно, не является рекламным агентом собственного издания). Развлекаться не на что. За отсутствием других увеселений расспрашивает туземцев о политическом режиме, вынюхивает в стране горячие точки, ночами бродит по городу в поисках экзотической фактуры, вследствие чего бывает бит. Наконец находит местного журналиста, с которым до конца тура посещает окрестные пивбары и беседует о тяготах профессии. Привозит материалы о светской жизни туземного президента (короля, вождя), выдержанные в стилистике, равно близкой к криминальной хронике «МК» и «Голубой книге» Зоценко. Покупает в основном сувениры начальству и коллегам.

ТИП ДЕВЯТЫЙ. ЗАВСЕГДАТАЙ. Вероятно, отвратительнейший — даже на фоне всех описанных: он изо всех сил делает вид, что он-то уже другой, что его истинная Родина тут, что он не совок и сроду совком не был, а тут знает и понимает все про всех, — но ужас в том, что это и есть совкизм самый окончательный и бесповоротный. Ибо именно пребывание за границей, знание заграничных обычаев и нравов является в сознании такого персонажа критерием окончательной избранности.

Приносят жареное мясо: он недоволен, ибо в Акапулько жарят не так. Там берут баранью косточку, трое суток и одну минуту (ровно! в этом-то и весь смак!) вымачивают в виноградном вине, которое выдерживали ровно (ровно!) три года и один день, потом все это маринуют с одной местной травкой, у меня там друг, выдающийся бабник и мачо, так он мне присылает раз в год по три грамма, — и вот тогда получается МЯСО! А не эта дрисня... (Выражения, кстати, вообще самые бластные, выдающие суровую школу жизни, долгие унижения и муки.) Покупать кожу в Финляндии? Вы с ума сошли! Все знают, что настоящая кожа продается только в одном селе в Тюрингии, где ее выделывает одна семья, вот уже пятьсот лет хранящая секрет настоящей выделки. Я там бывал, они мне его передали. Что? Остров Бали? Остров Бали — это для совков. Вот я в свой последний раз на Титикака — в предыдущие тоже было неплохо, но тогда погода подвела, — завалил такого буйвола, что...

Он каждую секунду доказывает вам свою полноценность и вашу неполноценность. Он был там, где вы не были, и видел то, чего никто не видел. Он давно уже гражданин мира, вкusicель тонких яств, ценитель истинных красавиц, потребитель и знаток всего лучшего... но Боже, как торчит из него забитый провинциальный фарцовщик, до сих пор полагающийся, что качество всякой вещи определяет лейбл! Разговаривать с ним невыносимо. Увы, чем больше наши люди ездят, тем больше среди них таких завсегдатаев, которые обязательно сообщат вам, что в прошлом сезоне в Италии было гораздо лучше, а сейчас — так... сейчас — разве это солнце?!

Соседство такого завсегдатая способно отравить любую поездку. Впрочем, в России таких тоже полно.

ТИП ДЕВЯТЫЙ. АВТОР. Настолько отвратителен, желчен, зол и придиричив, что, дойдя до этой рубрики, брезгливо умолкает. На самом деле он любит всех этих людей, с которыми его время от времени сводят сладостные и нечастые выезды за рубеж. Он поет вместе с ними советские песни и пьет водку. Он обсуждает с ними местные нравы и прыгает в бассейн. Он — плоть от плоти этих людей, кость от кости. Он объединяет в себе все их пороки, добавляя новый и самый непростительный — умение все это видеть со стороны.

Потому-то даже туземцы недолюбливают его.

— 2000 год, Дима Быков (пруфлинк протух, sad but true)

Читать ещё

- [Оппозиция](#)